

Хуфу ни во что не верил
и во всем сомневался:
это и было самой
большой его тайной.

Страница 47

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ

Срединная территория

Роман

Анатолий Николаевич Андреев

Срединная территория

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3459625

Минск; 2004

Аннотация

Шестой по счету роман А. Андреева. Отличительная его особенность в том, что вводятся элементы фантастики и мистики. Молодой компьютерщик создал программу, с помощью которой можно связаться с NOO (ноосферой, банком идей, где зашифрованы прошлое и будущее человечества). Однако пророчества NOO весьма туманны. Приходится главному герою романа до всего доходить своим умом, ни на кого не надеясь.

«Роман в романе» (наподобие булгаковской притчи об Иешуа в «Мастере и Маргарите») – о Древнем Египте, фараоне Хуфу (Хеопсе), его любви и печали, строительстве Великой Пирамиды. Этот параллельный сюжет переплетается с сюжетом романа.

В романе критически осмысливается как бездушный, поверхностно рациональный, так и иррациональный характер цивилизации. Поиск золотой середины, срединной территории – вот путеводная звезда героя.

Содержание

Часть I. Черное и белое	5
Глава 1. Без названия, в которой, однако, речь идет о совершенно невероятных, и даже нелепых вещах, в реальность которых автор заставляет поверить читателя. А читатель не верит. Потом колеблется. Потом...	5
Глава 2. Смотрите по сторонам, смотрите по сторонам...	12
Глава 3. Предсказания Карины и Константина	22
Глава 4. Ёжик, ёжик – без головы и без ножек?!	38
Глава 5. Нет правды на земле, и выше нет. А еще выше?	45
Глава 6. Лазурный горизонт	51
Глава 7. Лоскуты смысла. Лоскут первый.	56
Игрок	
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Анатолий Андреев

Срединная территория

Роман

*Тот, кто смотрит себе под ноги, – видит только
дорожную пыль.*

*Тот, кто смотрит в небо, – видит только
космический туман.*

Хочешь видеть жизнь – смотри по сторонам.

Часть I. Черное и белое

Глава 1. Без названия, в которой, *однако, речь идет о совершенно невероятных, и даже нелепых вещах, в реальность которых автор заставляет поверить читателя. А читатель не верит. Потом колеблется. Потом...*

Я всегда знал, что меня ожидает необычная судьба.
Откуда?

Я не знаю.

Я не придавал значения тому, откуда я это знаю. Возможно, я так и не придал бы значения тому, что *я не придавал значения своему неизвестно откуда взявшемуся знанию*, если бы не одно странное происшествие. Сначала оно не показалось мне странным, а потом мне показалось странным то, что оно не показалось мне странным.

Давайте по порядку.

У меня пропали водительские права. Куда-то исчезли.

Они всегда лежали в маленькой черной сумочке, которую я педантично вешал на блестящий крючок, расположенный на одном уровне с полкой для головных уборов у меня в прихожей. И вот сумочка на двух молниях (стоимостью 30 у.е. по рыночным ценам) испарилась.

Надеюсь, я выразился ясно. Дело даже не в правах. Дело в порядке вещей. Это все равно, что луна оказалась бы у вас в шкафу или в кармане пальто. Так не бывает. Мне прежде всего стало досадно, что я сам посягнул на собственными руками заведенный порядок – и даже не заметил этого. Хотя я отчетливо помнил, что повесил сумочку, как обычно, на плоский хромированный крючок. Я это отлично помнил, вот в чем беда. Так где же права?

Если их нет, следовательно, я их не вешал.

Если я помню то, чего не делал, – это, как бы поделикатнее выразиться, плохо.

Я целую неделю не брал машину со стоянки, и вот сегодня решил сесть за руль: у меня накопилось пропасть всяких неотложных дел. Какие дела могут быть у холостого 33-летнего мужчины, ведущего относительно здоровый образ жизни?

Всю неделю я работал с солидными клиентами (я возглавляю рекламное агентство известной радиокomпании: обычная мирная профессия). Наклеивались серьезные контракты, поэтому расслабиться не было никакой возможности. Теперь мне предстояло отвести белье в прачечную, заехать на

рынок и затариться продуктами на неделю, купить себе, наконец, летнюю обувь, большую кружку для утреннего чая (старая, любимая, вчера разбилась вдребезги, на кусочки, измельченные до керамического крошева, как будто попала под каток, что утешит асфальт... чудеса!).

Да, еще надо было заглянуть к Веронике и пригласить ее на романтический ужин.

Был еще какой-то важный пункт плана, но прав я так и не нашел и про пункт забыл.

Пришлось ехать на троллейбусе № 13, набитом до неразумного предела.

Мои черные, не по сезону теплые туфли отдавили и испачкали так, что я первым делом заглянул в обувной отдел универмага. Там была только светлая обувь: бежевых тонов, серая, в рыжеватых разводах – но непременно светлая. Мне почему-то страшно не хотелось покупать светлую обувь, но я обреченно приобрел себе легкую рыжеватую пару с прорезями, чтобы дышала нога, и в окончательно испорченном настроении отправился в посудный отдел.

Там я сразу выбрал себе большую черную кружку с золотистой эмблемой «Harley-Davidson». Настроение значительно улучшилось.

В прачечную я впервые сдавал темно-синее, космических расцветок спальное белье с желтыми звездами. До этого у меня было белое белье, но оно мне внезапно разонравилось, до раздражения. С белых простыней белым облаком обвола-

кивала меня бессонница, и я вынужден был сменить белье.

На обратном пути домой я размышлял о моих странно изменившихся цветовых предпочтениях.

Недалеко от моего 19-тиэтажного дома (я жил на 17 этаже), окруженного двумя столбиками таких же небоскреби-ков, я увидел толпу людей. На тихом и безобидном бульваре Гоголя произошла жуткая авария. Проезжая часть узкая, движение одностороннее, скорость везде ограничена до 40 км/ч. Что случилось?

К эпицентру происшествия было не продраться, плотная толпа роилась и гудела. Все спрашивали у всех, глаза мирных горожан возбужденно горели. «Ауди» врезалась в каштан. Водителя отправили в реанимацию. Говорили, что дорогу перебежал кот. «Черный?» – спрашивали сразу. «Нет, белый», – отвечали неохотно, но уверенно те, кто видел всю эту катастрофу своими глазами. «Странно», – говорили интересовавшиеся цветом кота и недоверчиво отводили глаза.

Я бросил взгляд поверх голов – и у меня екнуло сердце: в разбитой, искореженной «Ауди» я узнал свою машину. Пришлось поработать локтями, прокладывая себе путь к месту аварии. Нет, это была не моя машина; моя была цвета мокрого асфальта, а разбитая машина грустно чернела цветом вороньего крыла.

С дрожью в ногах я поднялся к себе на 17 этаж. Лифт (у нас их два на подъезд) пришлось ждать очень долго: один лифт был испорчен, а второй – перегружен. Мне сего-

дня определенно не везло. В такие минуты мне всегда казалось, что меня кто-то дразнит, подло играет со мной в кошки-мышки. Я собирался позвонить на стоянку и спросить, все ли в порядке с моей машиной, номер 1971 (год моего рождения), серия МВВ, которую я расшифровывал как Минск, Валерий (это я), Вероника (моя подруга) – как вдруг увидел висящую на крюке черную сумочку с правами.

Я бережно поставил покупки на пол и опустился прямо на коврик в прихожей.

Поднял голову – сумочка висит.

Я взял в руку черную увесистую кружку и обошел всю свою однокомнатную квартиру, сунулся даже в тесный closet, даже под ванну заглянул.

Никого не было.

Никаких следов не было.

Не было ничего необычного или подозрительного. Если не считать неизвестно откуда взявшейся сумочки.

Это было подло. Я осторожно распустил одну молнию, подлиннее: правильно, в этом отделении лежали права в черной кожаной обложке; в другом отделении должны были лежать мои вторые ключи, которые вернула мне Вероника, когда поссорилась со мной неделю назад (сегодня во время романтического ужина я собирался опять вручить ей ключи от, будто бы, нашей квартиры). Веронике показалось, что из моей квартиры выходила блондинка – нагло, прямо у нее перед носом. Чушь, конечно. Никакой блондинке я ключей

не оставлял. Да и не люблю я блондинок. Мне нравятся такие шатенки, как Вероника. Открываю второе отделение. Все правильно: здесь лежал второй комплект ключей от моей квартиры № 373 дома № 13, что расположен на бульваре Гоголя.

Я набрал номер охранников автостоянки. Все было как обычно: пьяный сонный голос скучно подтвердил, что «Ауди» «мокрый асфальт» номер год моего рождения благополучно стоит на приколе. Вежливо поинтересовались: «А что должно было случиться?»

Надо мной продолжали издеваться. Я извинился за беспокойство и набрал номер телефона Вероники. Дома ее не было. Я набрал номер ее мобильного: 197733. 1977 (год ее рождения), 33 (В – третья буква алфавита). Запомнить легко.

– Что случилось? – спросила Вероника.

– Ничего, – ответил я. – А что должно было случиться?

– Не знаю, – сказала Вероника и помолчала.

– Я хочу спросить, – небрежно сменил я тему, – у тебя ведь не осталось комплекта моих ключей?

– Ты хочешь спросить, не сделала ли я дубликат ключей от твоей квартиры тайно от тебя, чтобы контролировать твоих блондинок? Нет, я этого не сделала. Но почему ты об этом спрашиваешь? Чтобы меня унижить?

Я не нашел ничего лучше, как рассказать чушь про исчезнувшую и вновь объявившуюся сумочку.

– Так, понятно, – сказала Вероника. – Об этом тебе лучше спросить у своей блондинки.

И отключила телефон.

Романтический ужин, к которому я даже приобрел летние туфли, имел все шансы не состояться. Черт побери, ну почему ей померещилась блондинка?

Я все же решил попытаться счастья: взять свою машину со стоянки, заехать за Вероникой, прокатиться с ней по городу – и запарковаться на ночь где-нибудь в центре. А потом отправиться на ужин.

Но перед романтическим мероприятием надо было непременно развеяться – прокатиться с ветерком. Быстрая езда успокаивает и примиряет не хуже, чем секс. Проверено.

Может, следовало назвать эту главу «Мифическая блондинка»?

А может – «Барабашки играют со мной в кошки-мышки»?

Глава 2. Смотрите по сторонам, смотрите по сторонам...

Верки дома не оказалось.

Я прождал ее три часа, после чего решил возвратиться домой на машине. Бросать авто в центре города и напиваться в одиночестве или в обществе какой-нибудь блондинки (что гораздо хуже любого одиночества) – не входило в мои планы. Это было бы дешевым пижонством. Не было никакой трагедии, было легкое недоразумение. Зачем же горячиться?

В конце концов, Веронику можно понять: она любит меня, оттого и нервничает. Она любит меня – а это главное. Если бы она поступила по-другому, «обнаружив» блондинку, например, выказала полное равнодушие, – это было бы плохо. А так – я должен быть счастлив. Мне повезло. Мне хорошо. Мифическая блондинка обнаружила глубину чувств Вероники.

Но счастье, которое надлежало мне переживать, было каким-то кислым.

Я ехал по ночному городу, привычно соблюдая правила дорожного движения. Ночью удовольствие доставляет не быстрая, а именно неторопливая езда. Жизнь ночного города кажется непростой, таинственной и ужасно содержательной. Всегда становится немного жаль собственной бедноватой жизни, которая течет так просто и банально. А рядом –

параллельный, скрытый от глаза непосвященных мир. Я не боялся ночи, я любил ночь. А вот день часто казался мне обманом, призрачным надувательством, каким-то бледным подвохом.

Я задумался, то есть мысли мои улетели неизвестно куда, взгляд застыл на прыгающем желтом пятне – свете фар перед автомобилем, я не смотрел по сторонам, отключил боковое зрение – и едва не поплатился за это. Откуда-то сбоку, из темени, снежным вихрем налетело на меня то ли облако, то ли существо в ослепительно белом одеянии, явно живое и одухотворенное, предположительно женщина. Тормоза моей «Ауди» пискнули, как подбитое животное, и я выскочил из салона.

Прямо под передними колесами лежала невеста в свадебном облачении. Ее фата была смята и раздавлена правым колесом, девушка зажмурилась и сложила руки на груди. Длинные волосы насыщенного медного цвета разметались на асфальте.

К нам устремились какие-то люди.

– Вставайте, нечего разлеживаться, – сказал я не очень-то любезно, хотя девушка мне сразу понравилась (когда только я успел это оценить?).

– А вы уверены, что я жива? – вяло поинтересовалась чья-то невеста.

– Полагаю, да, только вы не в своем уме.

Я старался не переступить грань, отделяющую дерзость,

на которую я имел право, от хамства, право на которое никому еще не делало чести.

– И вы меня ничутьючку не раздавили?

Она явно не хотела возвращаться в реальность.

– Вставайте, люди собираются. У меня из-за вас будут неприятности: права отберут.

– Увезите меня отсюда! – воскликнула девушка, не делая даже попытки встать. И мне показалось, что она вполне вменяема.

– Куда? – в моем голосе помимо моей воли явно прибавилось вежливости. – В больницу? Вас примут только в психиатрическое.

– Бульвар Гоголя 13. Это недалеко.

– Мне смутно знаком этот адрес, – сказал я, несколько озадаченный.

– Быстрее, я покажу вам дорогу. Дайте мне руку! Девушка лежит, а он не шевельнется. Вы плохо воспитаны!

На меня накатила волна *разумного безумия*. Да-да. Я как-то сразу ощутил, что есть смысл рискнуть, что я могу свершить или не свершить нечто судьбоносное. Передо мной распростерлась не просто девушка, а шанс, упакованный в подвенечный ажур.

И я твердо протянул руку судьбе – медноволосой девушке в белом платье.

Она проворно вскочила, отряхнув пышные воздушные кружева, – небрежно, однако же с врожденной кошачьей гра-

цией. Плечи у нее были открыты, грудь целомудренно обнажена – ровно настолько, чтобы любому стало ясно, какая прелесть таится за плотным лифом. В волосах морозным сиянием блестела веточка, униженная драгоценными камнями, и этот блеск повторялся в ее глазах.

– Быстрее в машину, чего вы уставились? Несчастных невест не видели?

Это она – мне. После всего случившегося.

– Просто они не каждый день бросаются мне под колеса. К тому же я восхищен тем, как воспитаны вы.

«Ауди» рванула с места, разодрав фату в клочья, буквально измочалив ее, растерев пыльной ветошью об асфальт.

– Гм-гм, я вас едва не задавил. Не знаю, уместны ли в таком случае извинения...

Я решил поддержать беседу, обнаруживая таким образом вежливость и благорасположение. В конце концов, даже таксисты развлекают своих клиентов.

– К несчастью, вы оказались хорошим водителем.

– Не уверен. У меня такое впечатление, что машина остановилась сама.

– Извините, – сказала девушка. – Я тоже не каждый день бросаюсь под машины. Квартира 379.

– Какая квартира?

Машина произвольно дернулась, и я сделал вид, что мы благополучно объехали ямку.

– Бульвар Гоголя, 13, квартира 379. Однокомнатная, 18

этаж.

Это было как раз надо мной.

– Вы там живете? – развязно поинтересовался я.

– Нет, там живет моя бабушка Карина.

– А вы...

– Быстрее, быстрее. Не отвлекайтесь. Не сюда. Давайте пообедем по Сторожевской. Припаркуйтесь около гостиницы «Беларусь». Надо убедиться, что за нами нет хвоста.

– Какого хвоста? – интересовался я, лихо закладывая виражи и впритирку вписываясь в повороты.

– Погони. Вы что, плохо соображаете? Вы думаете, я не стою того, чтобы за мной гнаться?

– Ужас какой, – сказал я, хладнокровно сворачивая на Сторожевскую. Я чувствовал себя слегка Джеймсом Бондом.

Мы припарковались около гостиницы, и я выключил свет. Из ресторана доносилась легкая музыка, вокруг беззаботно сновал молодой народ.

– Что прикажете делать дальше? – в тоне моем сквозила обида, то есть слабость. Если вы демонстрируете обиду – значит, напрашиваетесь на сочувствие. А это слабость. Меня ни во что не ставили, ни во что не ставили мое искусство вождения, мою глупую готовность помочь неизвестно кому и черт знает в чем, мое благородство...

– Придется полчасика подождать. Вы очень хорошо водите машину.

– К счастью, – буркнул я, изо всех сил сопротивляясь

наваждению – готовности помочь этой сбежавшей невесте. Неизвестно чьей.

– Я очень ценю ваш поступок. Очень. Мне даже уже не так жалко, что вы меня не задавили.

– Вас ведь не Ирина зовут?

Я почему-то был абсолютно уверен, что ее зовут не Ирина.

– Нет. Вовсе нет.

– И не Вероника, разумеется?

– Нет.

Девушка с любопытством посмотрела на меня.

– Я совершенно точно знаю, какое имя не ваше. Но вот угадать ваше имя – не получается.

– Я вам подскажу: Маша или Наташа?

Я внимательно посмотрел на девушку и неизвестно почему сказал:

– Вас зовут Елена.

Она ответила мне взглядом, в котором читалось, как бы это сказать, готовность к общению. Интерес. Я ее явно заинтересовал. И я уже знал, что угадал ее имя.

– Да, меня зовут Елена. Странно. Угадать имя – этого даже моя бабушка не может, хотя она запросто может предсказать судьбу.

Я вдруг понял, в чем заключалась ее главная черта: она совершенно не умела кокетничать. Она не умела играть, выдавать одно за другое. Вот отчего она так естественно смотрелась под колесами моего автомобиля.

– Вы бы и поинтересовались у бабушки своей судьбой, прежде чем выходить замуж.

– А я и поинтересовалась. У меня может сложиться даже очень завидная судьба – если только вначале я пройду через *испытание*. Если у меня хватит сил его выдержать, и если мне помогут.

– Какое испытание?

– Этого не знает никто. Испытания бывают у каждого, если он чего-то стоит, только вот в разные периоды жизни. У меня это почему-то должно произойти вначале.

– А если бы я вас задавил?

– Вы бы меня не задавили. Вы что, сильнее судьбы? Вы ее орудие. И одновременно жертва. Бабушка никогда не ошибается. Она сказала *испытание*, она не сказала *смерть*.

Мне стало не то что не по себе, меня пронзило ощущение несамостоятельности. Понимаете, до сих пор я жил как *субъект*, а сегодня я целый день выступал в роли *объекта*, по отношению к которому другие, неведомые мне субъекты, творили что-то непонятное. Я стал точкой приложения неведомых мне сил, подопытным кроликом, щепкой, несущейся по волнам.

Мерзкое ощущение, доложу я вам: укачивает.

– А может быть то, что вы не вышли замуж за своего...

– Искандера.

Искандера. Я решил ничему не удивляться, иначе разум мой отказывался мне повиноваться. К тому же *неудивление*

было неплохой формой сопротивления. Я снимал с себя ответственность (отчасти, конечно). Кролик так кролик. Пусть даже щепка.

Но черт побери: Искандер! Это уже слишком.

– ... за своего Искандера и сидите здесь, рядом со мной, в моей машине – это тоже судьба?

Шутка у меня получилась не игривой, как я планировал, а тревожной.

– Вполне возможно, – сказала Елена, однако безо всякого энтузиазма, вернее, с оскорбительным для меня отсутствием энтузиазма. Вежливый ответ, не более того. Мне же хотелось уже чего-то большего.

Да, события развивались слишком стремительно. С явным превышением скорости света.

– Интересно, что сказала бы по этому поводу бабушка?

– А вот вы у нее сами и спросите. Поехали.

– Поехали. Только сначала еще один вопрос, если позволите.

– Вы хотите спросить, кто такой Искандер?

– Да, я хотел спросить именно об этом.

С нее хотелось брать пример – не хотелось кокетничать. *Я уже научился* ничему не удивляться. Очень быстро. И я даже этому не удивился.

– Вы слишком много желаете узнать обо мне за такое короткое время. Много будешь знать, как говорит моя бабушка...

– Скоро состаришься?

– Нет, неправильно; станешь понимать то, что знаешь. Поглупеешь.

– Но если *ты* мне послана судьбой, я имею право знать, кто такой этот чертов Искандер.

Я и сам не предполагал, что скажу такое. Щепка так щепка. Елена внимательно посмотрела на меня. Я не отвел взгляда.

– Я бы не отказалась, чтобы судьба послала мне *тебя*. Или меня – тебе. Поехали к бабушке.

– погоди. Ты любишь Искандера?

– Нет.

– Еще один вопрос можно?

– Последний.

– Каков натуральный цвет твоих волос?

– Они у меня темные. А этот цвет называется «красная ночь». Не нравится?

– Нравится. Я был уверен, что у тебя темные волосы. Ну, что ж, поехали к бабушке. Мне необходимо кое-что у нее спросить.

Бабушка Карина жила действительно прямо надо мной.

– Смотрите по сторонам, – сказала она вместо приветствия, бегло взглянув на свою внучку-невесту в грязном платье и без фаты. – У меня тесно и полно хрупких вещей. Здравствуй, мой дорогой.

Это она обратилась ко мне. Меня это не удивило.

Очень хотелось назвать эту главу «Красная ночь».

Глава 3. Предсказания Карины и Константина

– Он с первого раза отгадал, как меня зовут, – сказала Елена. – И утверждает, что послан мне судьбой.

– Я не утверждаю, – пролепетал я. – Но я готов это допустить.

– Садись к окну, – властным и одновременно небрежным тоном почти оборвала меня бабушка Карина. Вообще-то звали ее Карина Захаровна, но она сразу же грубовато обозначила свое желание: величать ее не иначе как «бабушка Карина».

– Почему? – спросил я.

– По качану, – был скрипучий ответ.

Да, бабушка с внучкой не жаловали скорое любопытство, которое было у меня в натуре. Становилось также понятно, в каком институте благородных девиц получала воспитание Елена (сомнений в том, что бабушка Карина оказала влияние на свою внучку не было никаких). Но при всем при том бабушка Карина вела себя так, что обижаться на нее выглядело бы кокетством с моей стороны, и даже глупостью. Они вели себя естественно и одновременно тестировали меня – вот что я хочу сказать. Я чувствовал, что Карина все время ставит меня перед проблемой выбора: оставаться самим собой или несколько ложно претендовать на достойное об-

ращение, выпячивая уязвленную гордость и все прочее, что должно при этом уязвляться у джентльмена. Я твердо решил быть самым собой: обижаться тогда, когда мне действительно обидно, не удивляться, если меня что-то не удивляет (а должно бы); смеяться, если мне смешно, гневаться, если меня рассердят.

Вот чем я решил их удивить.

– Садись к окну. Смотри туда, вверх. В небо, – она чему-то улыбнулась. – Дай мне свою руку. Ладонью вверх. Левую. Теперь правую.

Она внимательно, хотя и быстро, осмотрела линии на моих руках, формы пальцев – и, ни слова не говоря, отправилась на кухню. Никаких завораживающих манипуляций, никаких ведьмачьих штук. Обыкновенные чудеса.

– Будем пить чай, – проскрипела она оттуда.

Согласитесь, между «будем пить чай» и «вам чай или кофе?» есть разница. Я больше привык ко второму (хотя всегда выбирал чай), но молча кивнул головой в знак согласия. Что мне еще оставалось? Сделать вид, что мне обидно?

Мне предоставляли шанс унизиться до мелочной обиды, но я сделал вид, что даже не заметил ловушки.

Елена сидела напротив на диване и улыбалась, с любопытством рассматривая меня, – я бы даже сказал, следя за тенями сомнений, скользящими по моему лицу. Но с ней я не чувствовал себя кроликом. Мне приятно было демонстрировать широту натуры. Я был уверен, что это будет оценено.

Порядочным девушкам трудно понравиться: они видят в вас или судьбу – или пустое место. Вот почему за ними легко ухаживать, если становишься ее избранником, и практически невозможно, если тебя отвергли.

Елена смотрела на меня явно не как на пустое место. Она смотрела именно на меня. Я показал ей язык: мне так захотелось. Мне захотелось большей интимности, близости с этой удивительной девушкой. Она внимательно осмотрела мой язык, наклонив голову, как собачка. А я рассчитывал на улыбку.

Никогда не знаешь, что придет в голову этим порядочным.

Карина громко и смачно прихлебнула чай из самой обычной, правда, великоватой для старушки, чашки, украшенной каким-то древним орнаментом. Карина совершенно не старалась производить впечатление – и это впечатляло меня более всего. Возможно, она достигла в этом искусстве «казаться естественной» небывалых высот. Редкой естественности была бабуля.

– У тебя будет великая судьба, – сказала она, прихлебывая чай. – Подай мне изюм, внучка. Спасибо, ангел мой. Люблю чай с изюмом. Нет, не так: у тебя может сложиться великая судьба.

Я, отмеченный какими-то небывалыми знаками, скромно молчал. А мне, неведомому избраннику, никто и не спешил ничего разьяснять. Все пили чай, кстати, вкусный и прекрас-

но заваренный.

– Как тебя зовут? Я имена-то не мастерица разгадывать.

– Валерий. Фамилия – Белостолов.

Вот. Теперь я понял, какая маленькая заноза мучила меня все время. Елена не поинтересовалась, как меня зовут. Это было неестественно.

– Белостолов, – тихо повторила Елена и улыбнулась.

– Бог мой, какие страсти, – сказала отчего-то Карина.

Я решил надменно промолчать. Но потом, перенимая ее величавую и в то же время непосредственную манеру, спросил:

– Так что там насчет моей великой судьбы?

– А ничего, – совсем уж невнятно предрекла Карина. – Поживем – увидим.

Я понял так, что моя судьба во многом зависит от меня самого.

– Это я и сам знаю, – сказал я.

– Ничего ты не знаешь, – необидно осадил меня Карина. – Покою тебе не будет, вот что. Маяться будешь: большие потрясения ждут тебя. У тебя на руке – красная жилка с тремя звездочками.

Я посмотрел на ладонь и ничего там не увидел, кроме привычной гладкой кожи с желтыми бугорками мозолей, натертых перекладиной турника, прикрепленного при входе на кухню.

– Не на правой, а на левой, – сказала Карина, подливая

себе чай.

Действительно, ближе к запястью тихо пульсировал рубиновый рубец, красная нитевидная ссадина, которая, если присмотреться, начиналась и заканчивалась мохнатенькими точками; такая же точка делила рубец пополам. Строго говоря, я не увидел для себя ничего нового: этот лопнувший сосудик, как я про себя его называл, был мне знаком до мельчайших подробностей. Даже три точки, «три звездочки», я разглядел сам, притом давным-давно.

Вот почему я спокойно продолжал пить чай.

– Я слышала о таких метках, – сказала Карина, – но вижу второй раз в жизни. Надо показать его Константину, – проскрипела она в сторону Елены.

– Странный консилиум, – счел необходимым возмутиться я. – Не нужен мне никакой Константин.

– Нужен, – сказала Карина.

И я почувствовал, что мне лучше промолчать. Судьбе угодно было свести меня с Константином. Мне даже показалось, что Константин мне вовсе не мешает. Я быстро привык к этой мысли.

Константин явился через полчаса. Причем, он получил приглашение в форме весьма своеобразной.

– Костя, тут у нас *красная метка* объявилась.

Карина говорила с ним по телефону.

– Да, да. Только не надо тортов: меня от них тошнит. Изюмчику прихвати. До свидания, мой желанный.

Необычность происходящего стала восприниматься мною обычно, буднично. У меня стал появляться иммунитет к чудесам. Мне даже захотелось разок зевнуть, но присутствие Елены не давало скучать. Скучно не было, а вот интрига не клеилась.

Константин оказался весьма ухоженным стариком, с пышными усами, и даже подусниками на старинный манер, что делало его похожим то ли на барина-графа, то ли на его слугу. Он словно сошел с картины какого-нибудь старого мастера и шагнул к нам в комнату. Время остановилось. На нем была широкополая черная шляпа и пальто из удивительно мягкой на вид темной ткани – такой ткани нынче не сыщешь, хотя она была новая, не выношенная. Костюм также явно подобран был к случаю, да и галстук был повязан с умыслом. Галстук был изумительно в тон к костюму, то есть находился с ним в такой гармонии, что сначала вы его отмечаете как нечто отдельное, он бросается в глаза, а затем ощущаете его как деталь непростого, некрикливого ансамбля.

Дед удостоился от меня пристального, исполненного восхищения взгляда, от Елены – трех поцелуев с касанием подусников, от Карины – объятий, которыми не каждая жена встречает далеко не каждого супруга. Кроме вкуса, Константин обладал еще и манерами. После объятий с Кариной, он бесподобно облобызал ей ручки (исполнил этот аристократический ритуал не смешно: великое искусство), причем Карина с удовольствием позволила ему сделать это, несколь-

ко даже жеманясь. После этого хозяйке был с полупоклоном вручен небольшой, но удивительно подходящий к случаю букет из полурастопившихся то ли лилий, то ли еще чего-то экзотического.

Бог мой, что происходило в квартире прямо надо мной. Уму непостижимо! Какой-то неумеренный артистизм, какой-то милый жанр общения демонстрировали милые старики. Что-то из века минувшего. Что-то из другой жизни.

– Это Валерий, с красной меткой, – рекомендовала меня в своем «простецком» стиле Карина.

– Константин, – произнес дед, подавая мне свою сухую и крепкую ладонь.

– Очень приятно, – сказал я, также обнаруживая знакомство с манерами. – А ваше отчество, будьте любезны?

Константин сделал вид, что не расслышал моего вопроса или что вопроса не было вовсе. Мне пришлось сделать вид, что я ни о чем не спрашивал. Константин так Константин. Как скажете, господа чудaki.

– Чаю, конечно, чаю, волшебница, – произнес Константин в ответ на «чаю или кофе?» своим как бы невыразительным голосом, который, однако, заставлял вслушиваться в то, что говорил его обладатель. – Но прежде рюмку коньяку.

– С грушей? – спросила Карина, любясь этим русским джентльменом.

– Разумеется, – сокровенно произнес Константин.

– А разве коньяк не лимоном следует закусывать? – свет-

ски любопытствовал я.

– Ни в коем случае, – наставительно, но без раздражающего поучительства отвечал Константин. – Это дурной, то есть массовый, вкус.

– А я так всю жизнь этой кислятиной душился, – с сожалением сказал я. – Считал это хорошим вкусом.

– Сколько же вашей жизни-то было, молодой человек, – выговорил Константин. – Еще успеете сделать все как положено. Позвольте взглянуть на вашу, гм, ладонь.

Я ожидал пенсне, но явились очки практически без оправы, с тонкими позолоченными дужками, модные и стильные. Очевидно, пенсне было из области дурного вкуса. Да, за стариком было трудно угнаться.

Константин взглянул на мой, словно наполненный красными чернилами рубец, и произнес:

– Он.

При этом побледнел чрезвычайно.

– Ты уверен? – спросила Карина, застыв с подносом, на котором стояли хрустальный графинчик с коньяком и три хрустальных же стопки.

– Он, – повторил Константин, пряча очки в кожаный футляр и придвигаясь к столу.

– Его ждет великая судьба, – сказала Карина, следя за тем, как Константин разливает коньяк по стопкам.

– Великая судьба – это великие испытания, – сказал Константин.

– Великие испытания – это по твоей части, – заметила Карина.

Разговор обо мне в моем присутствии происходил так, словно меня не было рядом с ними, словно разговор шел о *ком-то* где-то существующем. Это все равно, что о себе говорить «мы» или «принцу хотелось бы услышать». Меня в упор не замечали. Дурной тон.

Мне это надоело, и я сказал:

– Коньяк следует пить из бокалов. Из больших фужеров, но не из маленьких рюмок. Из маленьких – это дурной вкус.

– А вы знаете, из маленьких стопок гораздо удобнее, – поделился сокровенным Константин. – Дурной вкус – это когда целесообразность приносится в жертву форме; хороший вкус – это соответствие формы содержанию. Молодой человек, разрешите мне поднять этот тост за вас, – продолжил он своим сокровенным голосом. – Во-первых, вы вступаете в новую полосу вашей жизни; во-вторых, вы вступаете в новое измерение, на новую, так сказать, территорию. В-третьих, мы рады будем вам помочь.

С этими словами Константин неторопливо, но решительно и до дна выцедил стопку, наполненную до половины.

Мы с Кариной последовали его примеру. На несчастную невесту, казалось, никто не обращал никакого внимания. Расстроившаяся свадьба внучки совершенно не интересовала бабушку.

– Признаться, я не совсем понял, за что пил, – сказал я. –

Но закусывать коньяк грушей – это отменно.

– Рекомендую, – подхватил Константин, оглаживая огромным батистовым платком густые усы.

– Ты пил за... многое, – сказала Карина. – Мы и сами до конца не знаем, за что. Но за это стоило выпить.

– Вы – наш клиент, – без особой теплоты сказал Константин.

– Что значит «ваш клиент»?

«Клиент» – явно отдавало больницей, рядом с которой предполагалось наличие вросшего в землю морга. Мне это не понравилось. Возмущался я, однако, как-то театрально, жил в предлагаемых обстоятельствах, в стиле, навязанном мне этим сокровенным старикашкой.

Но этот стиль устраивал меня потому, что меня ни на секунду не оставляли глаза Елены. Она внимательно изучала меня, впитывая (в этом не было сомнений) каждую мою интонацию, оценивая способности к разным интонациям. Мне казалось, она прекрасно чувствует, где я переигрываю, где недоигрываю, а где я не скрываю своего истинного лица. Сам себе я начинал казаться масштабным и многомерным. С Вероникой у меня никогда не возникало подобного ощущения; напротив, я всегда чувствовал легкое раздражение или недовольство от того, что меня не понимали, не так понимали. Словом, недооценивали.

– Всему свое время, – солидно сказал Константин, но Карина ласково перебила его:

– Время пришло, Костя.

Он в ответ развел руками, что можно было понять и так: я остаюсь при своем мнении, но спорить не стану.

– Константин – специалист по мрачным и неблагоприятным прогнозам, – сказала Карина, а Константин в ответ сдержанно кивнул головой. – Я хочу сказать, Константин никогда не ошибается в своих предсказаниях. Он не шарлатан и не прохиндей. Он не говорит чепухи и ни на чем не спекулирует. Просто у него есть дар получать именно такую, «плохую» информацию.

Константин пил чай, аккуратно пригубляя чашку из орнаментального сервиза, как будто речь шла вовсе не о нем.

– Откуда у него этот дар – неизвестно. Но он у него есть. И здесь дело не в случае, а в том, что стоит за случаем.

Теперь о Константине говорили так, словно он не сидел за столом рядом с Кариной. Здесь каждый был больше, чем он был: обладателем дара, делавшего его посланником судьбы; можно сказать и так: способом проявления каких-то сил или законов. Тайны мироздания причудливо кучковались за обычным столом обычной квартиры, расположенной в обычном панельном доме. Вот почему когда о Константине говорили как о частном представителе всеобщего порядка, он смиренно молчал. Ему и в голову не приходило напрашиваться на комплимент или отводить комплимент: он не видел в своем даре личной заслуги. Я же никак не мог смириться с тем, что мой дар – это форма безликости. Я привык всего до-

стигать сам. Вот почему я встрял со своими дурацкими бокалами: так я выпятил свое «я». Выставил себя выскочкой.

– Мой скромный дар, – продолжала между тем Карина, – видеть благоприятное развитие событий, «предсказывать» счастливые зигзаги судьбы. Я вижу только хорошее, если оно есть.

– Ты – богиня, – склонился над ее рукой Константин.

– Оставь, Костя, – сказала Карина, заметно тронутая румянцем. – Тут нет моей заслуги: просто я отзываюсь на информацию...

– Позитивную, – уточнил Константин, при этом никому и в голову бы не пришло считать его выскочкой.

Что за шарм, что за такт был у этих людей!

– Да, я чувствую ее. И сообщаю тем, кому это может быть интересно. Люди называют таких, как я, гадалки. Но я не гадаю. Я всегда сообщаю то, что сообщают мне.

Они не позировали и не играли, они давно смирились со своей необычной судьбой и несли свой крест, судя по всему, весьма достойно. Сейчас они демонстрировали мне нечто вроде мастер-класса. Может, так принято в сообществе медиумов?

Меня осторожно посвящали в клан избранных?

Нет, я определенно не был готов к тому, чтобы быть проводником чьей-то злой или доброй воли. Безликая функция – был не мой формат. Я, продукт и венец человеческой цивилизации, был против внушаемых мне сомнительных пра-

вил.

– Кто сообщает вам позитивную информацию?

В моем вопросе не предполагалось ни тени дерзости или сомнения. Только здоровое любопытство. Манеры я практически скопировал у импозантного Константина. Однако Карина занервничала:

– Только не надо делать из меня дуру.

Странно: при Константине ее словно подменили, она даже чай стала пить не по-купечески, не «сёрбая», не втягивая его с шумом и плеском в себя, любимую. Ее манеры не то чтобы смягчились – они у нее появились. Очевидно, ее простецкость или грубоватая простота были только имиджем для нетребовательной публики. Она была такой, какой ее хотели видеть. Она была своей для клиентов.

Странно: тот, кто приносит благие вести, должен быть простым и понятным. Он должен быть таким, чтобы его можно было любить. А любить можно того, кто похож на тебя. Карина ради реализации своего дара научилась отказываться от себя и становиться как все. Она служила, а не палясничала. «Не надо делать из меня дуру». Понятно.

А вот ежели ты на короткой ноге с теми службами, что ведают информацией «негативной», ты обязан быть респектабельным и внушительным. Тебя должны бояться – и потому уважать. Любить – Боже упаси: недопустимая фамильярность.

Я решил поделиться своими рискованными наблюдения-

ми с оракулами. Они рассмеялись.

– Совершенно точно, – сказал Константин. – Я богат, ибо за плохие новости принято платить много, а за хорошие брать деньги неудобно. Карине платят гораздо меньше, но на жизнь хватает. Понимаете, я будто бы на вредном производстве нахожусь: общаюсь с темными потусторонними силами. Мало ли что я там могу шепнуть на ухо кому следует: порчу напустить или еще какой вред сотворить. Меня ублажают великой мздой как представителя великих темных сил. Деньги – символ власти и силы. Сила – к силе. Будешь отказываться или брать мало – клиентов не будет. Точнее, веры тебе не будет. А дар требует, чтобы им пользовались. Я ничего не сумею объяснить. Просто так устроен мир. Не навреди – мой принцип. Я не вправе нарушать не мною заведенное равновесие. Вскоре вы сами это поймете.

Я был озадачен – в который раз за сегодняшний день.

– И что же вы можете сказать мне, своему клиенту, Константин?

Он налил себе полстопки, не предлагая нам, выпил одним махом и сказал:

– Вами будут весьма активно интересоваться «оттуда».

Он энергично ткнул указательным пальцем вниз. Очевидно, привычный жест.

– У вас будет много неприятностей.

И только после этого аккуратно, как вышколенный породистый пес, откусил дольку груши.

– За такие вести принято благодарить? – вежливо поинтересовался я.

– Судьба у вас, скорее всего, сложится благоприятно, – перехватила инициативу бабушка Карина.

– И что конкретно должно случиться со мной? Что конкретно?

Константин покачал головой:

– Этого я не знаю. Тут уже началось бы гадание. Набор несчастий людских хорошо известен. В принципе все может грозить вам. Кроме старости в ближайшие 30–40 лет, – прибавил он с приятной улыбкой. – Но я не гадаю.

– О каких несчастьях вы говорите?

– Вы не знаете, что такое несчастья?

– Боюсь, что нет.

– Значит, до сего дня вы были счастливы. Боюсь, у вас появится возможность оценить это.

– Не могу с вами согласиться, – пробурчал я, ловя боковым зрением фигуру Елены.

– Болезни, утрата близких, потеря вдохновения, атомная война, непонимание друзей...

– У меня нет близких, – сказал я задумчиво.

– Значит, к несчастью, появятся, – констатировал Константин.

– К счастью, вы имеете шанс соединиться с близкими, – поспешила дополнить его Карина.

– Что же мне надо делать? – воскликнул я, растопылив

пальцы на левой руке.

Оракулы как по команде пожали плечами.

– Надо поступать правильно, – сказала Карина. – Сколько вам лет?

– Тридцать три года. Уже или всего, сам не знаю. Вам виднее.

– В эти годы человек уже начинает понемногу соображать, хотя бы на библейском уровне, – сказал Константин, вставая из-за стола. Карина пошла его провожать.

Елена смотрела на меня *по-другому*. Серьезно и печально.

– Это не бред? – спросил я у нее. Она покачала головой.

– Нет, не бред. Я приду к тебе через час.

Теперь настал мой черед *по-другому* посмотреть на нее.

Боюсь, что я смотрел на нее как близкого человека.

Глава 4. Ёжик, ёжик – без головы и без ножек?!

Час тянулся невероятно долго – почти столько же, сколько вся оставшаяся ночь после прихода Елены. Но мы легко забываем о тяготах ожидания, если за ними следует счастье.

Она вошла, положила мне руки на плечи и, ни слова не говоря, поцеловала. Причем, сделала это как-то вопросительно, не вкладывая в поцелуй страсти, но и не скрывая при этом, что мне был подарен поцелуй женщины.

В первый раз в жизни я общался с практически незнакомым мне человеком при помощи поцелуев. И не могу сказать, что меня это разочаровало. Я тоже поцеловал ее – и поцелуй мой тоже получился ознакомительным. С этой девушкой не хотелось торопиться, было страшно все испортить. Хотелось поступать *правильно* – вот на каких мыслях-ощущениях я поймал себя.

Все, что она делала, даже самый приход ее ко мне – все было только *шанс*, я это чувствовал. Нет, с ее стороны не было мелкого расчета, который можно было расшифровать так: она, видите ли, давала мне шанс. Никакой надменности, никаких дешевых королевских замашек. Она сама была составляющей шанса, рядовым участником ситуации под условным названием шанс – без права решающего голоса. Впервые я почувствовал, что ситуация если не управляется,

то направляется извне. Это было странное, почти неуловимое ощущение, и все же я чувствовал присутствие *чего-то*, что нам *почему-то* не мешало. Очень странно.

Она свободно расположилась на моем диване, оставляя место и для меня. Я и это воспринял как шанс и не упустил своего: тотчас занял свое место.

«Чужое», как она выразилась, свадебное платье мы снимали вместе, удивляясь его ажурности и качеству отделки и вовсе не удивляясь тому, что Елена оставалась без платья. Потрясающая смесь несомненной целомудренности и полной раскованности так впечатлила меня, что я почувствовал себя скованным. Ее поведение означало только одно: абсолютное доверие ко мне, и это как раз налагало на меня ответственность, сковывало.

Но робости и нерешительности – и это я тоже чувствовал – мне бы не простили. Это означало бы, что я не желаю брать на себя ответственность, сам не знаю, чего хочу, не дорожу шансом. Робость в этой ситуации была бы фальшью, ибо все, что я делал до этого, должно было исключать робость. Я должен был быть выше робости.

Мне сразу стало ясно и без слов, что имела в виду Карина, когда она говорила о «правильности» моих поступков. Правильность – означала равновесие, гармонию со всеми законами космоса, в том числе с законами человечности и любви. И сам факт того, что они все считали меня способным к постижению этих законов, что они не сомневались в масштабе

моей личности, – этот факт меня вдохновил. Елена демонстрировала не просто доверие ко мне, она излучала уверенность в моей исключительности. Это само по себе было не меньше, чем признание в любви.

Все, что происходило между нами, больше всего напоминало игру – и меньше всего было игрой. «Все или ничего», «сейчас или никогда» прямо витало в наэлектризованном воздухе моей гостиной, которая одновременно служила мне спальней и кабинетом. Я с большой легкостью и радостью принял на себя душевный груз «не притворяться». Во мне проснулся дар чуткости, о котором я всегда подозревал: я был смелым до дерзости, где необходимо и где это помогало избегать неловкости, и одновременно как бы робким – там, где не знал, как поступить. Здесь мне помогала Елена.

Удивительное единение и взаимопонимание (слаженный ансамбль!) с едва знакомой мне девушкой были какого-то высшего порядка, и сами по себе свидетельствовали о том, что мы все делаем правильно.

Наши тела медленно, но уверенно сближались, сладко тоскуя друг без друга.

От ее груди я не мог оторваться добрых полчаса. Просто не мог убрать руки, не веря в реальность неземного (буквально!) наслаждения.

– Как ты называешь все происходящее с нами? – спросила Елена.

– Я бы рискнул назвать это любовью. С первого взгляда.

Это в порядке вещей.

– Ты хочешь сказать, что любишь меня?

– Я очень надеюсь, что и ты меня любишь. Я бы этому не удивился.

– Нахал. Ты хочешь, чтобы я первая сказала тебе?

– По-моему, ты опоздала.

– Разве ты говорил мне о своей любви?

– А разве ты в ней сомневаешься?

– Нет, не сомневаюсь. А как ты называешь эту штуку? – спросила она без стеснения, когда я безо всякой неловкости освободился от трусов.

– Ментула.

– Ментула... Почему? – изумилась она.

– Меня научил этому римский поэт Катулл. Благодаря ему я тоже едва не сделался поэтом. Оцени: «У Валерия Катулла была огромная ментула».

– Тебе тоже не на что жаловаться. По-моему.

– Я рад, что ты это заметила...

Мои руки в это время уже плотно обвивали ее упругое и такое открытое, податливое, жаждущее тело.

– Если я правильно понял, у тебя еще не было брачной ночи...

– У меня еще никого не было, – просто сказала Елена. – Моя шкатулка – для тебя.

Пальцы мои побежали резвее, и вскоре я убедился, что ничего прекраснее я никогда в жизни не держал в своих ру-

ках. Тело ее открывалось мне и верило мне до конца. Такое доверие несказанно возбуждало меня, ласки мои были сдержанными только потому, что я боялся испугать ее своей страстью.

Нужный момент наступил быстро и неотвратимо – и я бережно вложил свою роскошную ментулу в ее изумительно увлажнившуюся шкатулку, нежный, мармеладный бархат которой был доступен мне одному.

– Что это было? – спросила тихо потрясенная Елена, когда мы похитили у вечности несколько бесконечных волшебных мгновений.

– Это было счастье, – ответил я, как молодой бог, совершенно уверенный в своих возможностях давать и правах получать райские ощущения.

– Я хочу еще, – с предельной степенью откровенности, так радующей сердце мужчины, прошептала Елена.

– Конечно, – улыбнулся я ей, хотя глаза ее были закрыты. – У нас впереди вся ночь. И целая жизнь.

Она ловко, быстро и, как мне показалось, суеверно, захлопнула мне ладошкой рот, уже уверенно и вполне по-женски обходясь с моей ликующей ментулой. Перед глазами у меня плыла теплая лазурь, и я растворялся в струящемся океане, наслаждаясь эффектом невесомости.

Голос Елены вернул меня на мой жестковатый диван:

– Теперь ты не жалеешь, что не задавил меня?

– Я жалею о другом, – ответил я, отвлекаясь на какую-то

смутную мысль. — Я жалею, что ты раньше не бросилась под колеса моего автомобиля.

— Мне совсем недавно исполнилось 18. Раньше было нельзя. О чем ты думаешь? — внимательно посмотрела на меня Елена.

— Я, кажется, разгадал одну загадку. Правда, я и не подозревал, что это была загадка.

— Как Колумб?

— Почти.

— Какую?

— Отгадай, что значит: ёжик — без головы и без ножек?

— Это глупость какая-то колючая.

— Как тебе сказать... Сдаешься?

— По-моему, это и не загадка, а просто присказка.

— Сдаешься?

— Я не люблю сдаваться. У меня это плохо получается.

— Хорошо, не надо сдаваться. Я помогу тебе. Ёжик, без головы и без ножек, мягкий, пушистый, похожий на шкатулку... Ну?

— На что ты намекаешь?

— А вот давай проверим! Покажи-ка зверушку.

— Какой же ты дурачо-ок! А нахальный какой! Значит, тебе не понравилось?

— С чего ты взяла?

— Ну ты же про колючки какие-то говоришь!

— Я говорю про трогательного, отзывчивого зверька, кото-

рого хочу подразнить еще разок... Мохнатенького...

– Ментулой?

– Как положено...

– Ментула... Очень похоже на пароль.

Тогда я не придал значения этим словам, потому что оживший ёжик ласково стал обволакивать мою ментулу и тело мое заколыхалось в лазурных волнах.

Глава 5. Нет правды на земле, и выше нет. А еще выше?

Наутро я наконец-то понял, почему меня всю жизнь раздражала бессмысленная присказка: утро вечера мудренее. Надо понимать – утро предпочтительнее вечера. Вечером и ночью мне было хорошо. Утром же, когда мрак ночи рассеялся, мне стало очень плохо. Тревожно, страшно и больно. Я проснулся на диване один. Елены не было.

Как прикажете понимать это самое «мудренее»?

Кстати сказать, все мои предчувствия, даже детские, с течением времени всегда подтверждались. Не припомню ни одного пустого предчувствия. У меня точно было чутье на фальшивые девизы или на неполную информацию. И с ёжиком было что-то не так, никогда не принимал эту присказку за чистую монету, и с утром. И «один в поле не воин» мне не нравилось всегда. Понятие «добродетель» меня всегда пугало, я реагировал на него как на слово «эшафот». В детстве ничего еще не знаешь, нет опыта и уверенности в своих силах. Не очень веришь себе. Сомнения как бы беспочвенны. Однако время заставило меня уважать мою страдавшую от неполноты информации детскую душу.

Итак, я сразу почувствовал каким-то внедренным в меня датчиком, что Елена исчезла неспроста. Вряд ли она ушла в магазин за сыром (у меня кончился сыр); вряд ли она у

бабушки Карины. Это было бы естественно, но я был уверен, что ее там нет. Вряд ли я вообще ее увижу сегодня.

И неизвестно, увижу ли когда-нибудь: вот что смутно транслировал мне мой датчик.

И я решил тут же действовать. Мое спасение было в действии, я это чувствовал, мне не о чем было размышлять, потому что неясно было все.

И первое что я сделал – *посмотрел по сторонам*. Эту заповедь я уже усвоил, хотя никто персонально меня ей не обучал. Тогда откуда я выудил эту важную заповедь? Я имел версию на этот счет, но мне было стыдно ее озвучивать даже перед самим собой. Я взял заповедь, ставшую моим девизом, из окружающего пространства, из того вещества, которым было заполнено окружавшее меня пространство. Я сконцентрировал, замкнул на себе рассеянные крупинцы смысла – получился золотой императив. Считать его подсказкой или золотым слитком мудрости, добытым из крупинц собственного опыта?

Понимая, что сейчас мне *лучше не размышлять* (я вдруг догадался, что это вторая неизвестно как и откуда усвоенная мной заповедь!), я внимательно осмотрелся. На подушке – несколько темных волос; на простыне – пятна слишком понятного происхождения. Что вы хотите, это была наша первая брачная ночь. Невеста забыла трусики и ленту, неизвестно от чего оторванную. Не туфелька Золушки, конечно, но уже хоть что-то. Это были материальные свиде-

тельства того, что я ночью был с Еленой. Представляю себе, если бы ничего этого не было! Можно было просто тронуться умом. Не сомневаюсь, что я легко бы убедил себя, что *ничего не было*. Трусики мне были дороги еще и как свидетельство моей нормальности, поэтому я бережно прижал их к груди. Пойти предъявить их бабушке Карине?

Я решил оглядеться еще внимательнее. Обошел всю кухню, обнюхал ванную, заглядывая во все те места, где я отыскивал пропавшие права. Все было на месте, и ничего нового я не находил.

И вдруг на самом видном месте, на столике, стоящем рядом с диваном, я обнаружил два слова, выведенные милыми каракулями на ленте (я сам небрежно бросил ее на столик, а трусики спрятал в карман): «Пароль – ментула».

Мне стало ясно, что с этих слов, начертанных на ленте, начался мой поиск утраченной Елены. Мне и в голову не пришло обижаться на нее: если она сбежала, ничего не сказав мне о причинах такого странного поведения, – значит, так было нужно. Хотя дважды за сутки сбегать от суженых – явный перебор на мой вкус. И все же никакой ревности я не испытывал. Только любовь. Этим мудреным утром я проснулся влюбленным и потерявшим свою возлюбленную.

Лучше не размышлять.

Тогда есть шанс сохранить рассудок.

Неизвестно отчего, я не торопился подниматься к Карине, хотя было очевидно: первое, что я сделаю, – пойду к ней.

Неизвестно отчего мне захотелось включить мой телевизор SONY. Было время телевизионных новостей. Телеведущий, бритый до синевы брюнет средних лет, равнодушным голосом сообщил, что европейский аэроконцерн «SPACE TRAVEL» запустил очередной спутник на Марс, эту Красную Планету, так будоражащую воображение неугомонных землян. Найдут ли там жизнь?

«Есть ли жизнь на Марсе?» – бодро и оптимистично заговорил ведущий. В нотках его голоса мне почудился знакомый обертон, который произнес нелепицу: «На Марсе найдут то, что когда-то, много-много миллионов лет тому назад было жизнью. Там не сумели сохранить жизнь».

Я внимательно всмотрелся в бритое и узкое лицо ведущего. Вдруг мне показалось, что он чуть заметно подмигнул мне, сопроводив это неуловимое подрагивание века едва уловимой улыбкой. Причем – я готов был поклясться своими надеждами вернуть себе Елену! – эта почти невидимая глазу мимика была адресована именно мне, несмотря на то, что на брюнета смотрели миллионы сограждан.

И действительно: в последующие дни жалоб от населения на недостойное поведение работников TV службы новостей не последовало.

Впрочем, этого *следовало ожидать*.

Мне стало ясно, что я должен пойти к Карине. Бабушка встретила меня весьма рассеянно. О Елене, конечно же, она ничего не знала, где ее искать – понятия не имела.

– Я ее муж, – сказал я и протянул бабушке Карине трусики ее внучки.

– Вот и найди ее, – был ответ.

– Как я это сделаю, как, если вы мне не поможете? Пойти к Искандеру?

– Это был бы неправильный поступок, – сказала Карина.

– Что же мне делать? Где мне искать Елену?

Вместо ответа она указала мне пальцем вверх.

– Ничего не понимаю, – сказал я.

– Я приготовлю тебе... напиток. Можно назвать его снадобьем. Он тебе не повредит. Может быть, даже поможет. Подожди немного.

– Я забегу к себе домой на минутку, – сказал я.

– Хорошо. Жду тебя через 10 минут.

Я плотно притворил за собой дверь и вместо того, чтобы спуститься к себе на 17 этаж, поднялся наверх, на 19, и позвонил в квартиру, расположенную ровнехонько над квартирой Карины.

В ответ – ни звука.

Я позвонил еще – продолжительно до неприличия.

Молчание.

Наконец, коротко звякнул в третий раз.

Ни гу-гу.

Потом спустился к Карине. На столе в чашке с орнаментом, угловатые египетские линии которого чем-то напоминали план моей (и, следовательно, бабушки Карины) кварти-

ры, стыло горячее и даже на вид маслянистое пойло. То есть снадобье. Я поднял глаза на Карину.

– Выпей. Это подкрепит твои силы.

Я сделал глоток. Что-то безвкусное, напоминающее безобидное лекарство. Мой организм дал мне понять, что от этого я не умру.

– Напрасно ты ходил в ту квартиру, – сказала Карина. – Там никто не живет. Временно.

– Интересно, есть ли жизнь на Марсе? – сказал я, прикидываясь то ли бедным Ёриком, то ли Гамлетом.

– Не знаю, – сказала Карина, и я понял, что она не уловила тайный смысл моего вопроса.

– И вы не знаете, что означает «ментула»?

– Нет, не знаю. Я знаю, что сейчас ты уснешь. И это тебе поможет. А со своими тайнами разбирайся сам. И тут тебе никто не поможет.

Я даже не успел ответить: мгновенно провалился в сон.

Глава 6. Лазурный горизонт

Я спал и прекрасно осознавал это, но в то же время мозг мой ни на минуту не прекращал аналитическую работу, ибо сон мой был такого рода, что требовал предельной концентрации. Я отдыхал – и трудился. Спишь – и словно бодрствуешь одновременно. Это был сон в том смысле, что происшедшее в нем не могло произойти в реальности, хотя все совершалось по законам и правилам реальности и было несомненно связано с реальностью. Думаю, тут дело не в безвкусной маслянистой жидкости. Она сработала как катализатор. Тут все гораздо глубже...

Я отключился, закрыл глаза – и меня тут же подхватили теплые лазурные волны. Едва я успел сообразить, что напоминает мне это легкое укачивание, как был выброшен на *берег*. Уже на берегу я вспомнил волны и Елену, но погрузиться в приятные воспоминания и ощущения мне не дали. На небесах ломаным полотнищем, сотканным из вертикальных неоновых лучей, напоминающих блики северного сияния, сверкнули и истаяли буквы или слова. Нет, одно слово. Сначала я даже не пытался вникнуть в его смысл, потому что оно было высвечено латиницей. Слово ли это было, набор слов или часть слова – не разобрать. Буквы давно угасли «в реальности» сна, но, как оказалось, несколько подзадержались перед мысленным моим взором. Сначала я даже не

поверил в простоту начертанного на небесах: был большой соблазн принять этот мираж за необходимую мне информацию, желаемое за действительное. Однако мой мысленный взор читал: MENTULA. Причем стиль каракуль был мне хорошо знаком.

– Ну и что? – сказал я, не выказывая особого удивления и пытаясь вступить в диалог с «Тем» или «теми», кто прекрасно был осведомлен о моей интимной жизни. Стыдиться мне было нечего. Мы с Еленой провели ночь по-божески. Они должны быть в курсе. Вряд ли у людей бывает намного лучше.

Кстати, в этот момент до меня дошло, что «ничему не удивляйся» – это не ситуативная формула, подходящая только к данному эпизоду сна, но моя третья заповедь. *«Ничему не удивляйся»*: это было третье, недостающее звено к первым двум. Смотри по сторонам (будь внимателен!), не рассуждай понапрасну, ничему не удивляйся...

Что ж, умственный багаж довольно скудный, но зато с ним можно быть мобильным, передвигаться налегке и, главное, действовать. А там будет видно.

Меня снарядили.

Я был готов пуститься в путь.

Пространство, казалось, слегка скривилось в легкой усмешке. Я чувствовал, что мой вызывающий вопрос не останется без ответа. В пространстве, нет, в том, что составляло плоть окружающего меня эфемерного пространства,

что-то сдвинулось. Произошло нечто вроде колыхания или дуновения, если бы этот «сдвиг», это «шевеление» можно было зафиксировать. Я бы назвал это информационным дуновением, если не вкладывать в эту метафору никакой мистики. Я с детства терпеть не мог мистики.

Короче говоря, я испытал контакт живого с живым.

Но не торопитесь вызывать мне скорую помощь. Не спешите, не делайте удивление точкой отсчета в ваших поступках. (Гм, гм... Эта склонность к поучениям... Между прочим, тоже во мне с детства.)

Я огляделся по сторонам; ничего не увидел, но предельно сосредоточился. И очень вовремя, потому что как раз в это мгновение не вне меня, как я ожидал, а во мне скользнула явно в меня внедренная, не моя, не мною рожденная мысль. Подброшенный мне смысл в переводе на слова человеческие гласил: ищи того, кто связан с Еленой, но безразличен ей.

Сам я додуматься до такого не мог, потому что не располагал информацией, на основании которой мог прийти к такому выводу. Или все же располагал?

Понимаете, мысль была подана в форме доброжелательной подсказки. При желании можно было сказать «я подумал», но что-то мешало мне так сказать.

– Спасибо, – неожиданно для себя сказал я. И добавил, неизвестно к кому обращаясь:

– Найду Искандера, а он меня пришлет. Я ведь с его невестой переспал, как всем здесь известно.

Вместо ответа послышался нарастающий шум трамвая – такой натуральный, что я отпрыгнул в сторону. Разумеется, никакого трамвая не появилось; да и откуда ему было взяться на неизвестно каком берегу неизвестно где расположенного лазурного океана и океана ли вообще?

Зато я все больше и больше вникал: насыщенное смыслами пространство пытается «разговаривать» со мной привычными мне символами и смыслами. Выходит на контакт со мной на моем языке.

– Спасибо на добром слове, – на всякий случай сказал я, не ища никого конкретно, чтобы не выглядеть глупо. Я вел себя как обычный человек, неплохо воспитанный. Я мог вести себя только как человек. Я был безнадежно испорчен тем, что я человек. Не знаю, чего от меня ждали «на берегу», но я упорно оставался самим собой: не обнаруживал страха, говорил негромко и по-русски. И ни во что не верил.

В конце концов, я спал. Во сне что хотите, то и творите, господа хорошие. Если вы дадите мне шанс проснуться – мы еще поговорим на языке здравого смысла.

Где-то в этот момент меня, не особо церемонясь, подхватили ласковые волны, и вскоре берег растворился, пропал, исчез...

Я проснулся.

Бабушка Карина, ни о чем не спрашивая, предложила мне чаю. Я с удовольствием принял предложение.

Под конец чайной церемонии я сказал:

– Вы изумительно завариваете чай.

– Меня научил этому Константин. Мы жили с ним вместе около 20 лет.

– Большое спасибо, – задумчиво сказал я.

В этот момент я ощутил знакомое дуновение, пространство отозвалось на мои мысли по-своему.

Оно уже не отпускало меня, было всегда рядом.

Глава 7. Лоскуты смысла.

Лоскут первый. Игрок

С этого дня жизнь моя заполнилась мистикой ровно настолько, чтобы не перестать считать жизнь штукой реальной, но при этом не исключать чуда. В моей жизни появилось место чуду. И я ничего не мог с этим поделать. Я, закоренелый реалист, как-то поплыл. Но что же вы хотите, если очевидных мистических совпадений и знамений было столько, что не замечать их – значило бы перестать быть реалистом.

Вам, скептикам, нужны аргументы и факты?

Сколько угодно. Как-то мы с Брутом (моим другом, о нем речь впереди) заговорили о завистливой N. Обычная склонность людей посплетничать. Ничего особенного, не так ли?

Совершенно с вами согласен.

Но именно в тот момент, когда мы с Брутом говорили об N, ее забирали в больницу. Просто совпадение, не так ли?

Вполне логично.

Вчера мы с Брутом (об этом визите к нему речь впереди) заговорили о злополучной Z – и сегодня я узнал, что именно в тот момент, когда мы говорили о ней, скорая забирала ее на операцию.

Не слишком ли много совпадений?

Этим мои аргументы, естественно не исчерпываются. Я стал замечать: как только я направлял на кого-то (что-то)

свою мысль — я отчасти направлял и ход событий, связанных с объектом моего внимания. И дело не ограничивалось людьми. Реакция животных убеждала меня в том, что из меня исходила некая сила, которой баловался нечистый дух, черт бы его побрал. Стоило мне сосредоточенно посмотреть на бродячего кота, как он, спиной ощущая направленное на него силовое поле, мгновенно исчезал в какой-нибудь дыре. То есть именно пропадал с моих глаз. Как будто я направлял на него лазерный пучок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.